

В. Н. Парфенов

ПОСЛЕДНЯЯ АРМИЯ РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Хотя события истории Рима последних лет республики отнюдь не обойдены вниманием исследователей, до настоящего времени слабо изучена армия Брута и Кассия и в особенности ее влияние на политику лидеров республиканцев. Из известных нам работ исключение составляет лишь книга Хельги Ботерман¹, однако в ней рассматриваются главным образом детали формирования армии и обходятся прочие стороны проблемы. Кроме того, хронология этой работы ограничена концом 43 г. до н. э.

Ряд любопытных соображений по поводу армии, созданной убийцами Цезаря, высказал Г. Бенгтсон², но его небольшое исследование имеет биографический характер и в нем нет места для основательного рассмотрения проблемы. Большинство остальных работ либо затрагивает ее в самом общем плане, либо исследует сугубо специальные вопросы, относящиеся к истории военного искусства³.

В первую очередь следует определить время начала формирования республиканской армии. Хотя, по мнению Шварца, Брут и Кассий уже в июне 44 г. разработали «план поднять на Востоке знамя революции»⁴, они, покинув в конце лета этого года Италию, несколько месяцев оставались в Афинах, отойдя от участия в «большой политике». Объяснять это, видимо, следует тем, что они, не исключая возможности новой вспышки гражданской войны, могли надеяться на иной вариант развития событий. В этой связи заслуживает внимания мысль Р. Сайма, что республиканцы вплоть до образования второго триумvirата могли не терять надежды на компромисс с Антонием, который, будучи консулом, проявлял известную политическую гибкость⁵. Поэтому вполне вероятно, что осенью 44 г. Брут и Кассий старались не дать Антонию повода для полного разрыва с республиканцами и активные действия начали уже после получения известия о заседании сената 28 ноября, когда этот разрыв стал свершившимся фактом⁶.

¹ Botermann H. Die Soldaten und die römische Politik in der Zeit von Caesars Tod bis zur Begründung des Zweiten Triumvirats. München, 1968.

² Bengtson H. Zur Geschichte des Brutus. München, 1970.

³ См., например, Collart P. Note sur les mouvements de troupes qui ont precede la bataille de Philippes. — BCH, 53, 1929, p. 351—364; *idem*. Brutus et Cassius en Thrace. — BCH, 55, 1931, p. 423—429.

⁴ Schwartz Ed. Die Vertheilung der römischen Provinzen nach Cäsars Tod. — Hermes, 33, 1898, S. 202.

⁵ Syme R. The Roman Revolution. Oxf., 1939, p. 203; Scullard H. H. From the Gracchi to Nero. A History of Rome from 133 B. C. to A. D. 68. L., 1964, p. 165.

⁶ Gelzer M. M. Iunius Brutus. — RE, Hbbd. 19, 1917, Sp. 1000. Ботерман (op. cit., S. 89, Anm. 8) отмечает, что предложенная Гельцером датировка гипотетична, но она хорошо вписывается в общую схему событий и поэтому наиболее приемлема. Кстати, аргументом в пользу этой датировки служит сообщение эпитоматора Тита Ливия (ер. 118), что Брут действовал на Балканах «под предлогом защиты государства и поддержки войны против М. Антония». Это было возможно лишь после открытого разрыва Антония с сенатом.

Плутарх сообщает, что Брут с самого начала пребывания в Афинах тайно готовился к войне, послав своего эмиссара Герострата в Македонию для переговоров с расквартированными там войсками и привлекая на свою сторону римскую молодежь, учившуюся в Афинах⁷. Многие из этих юношей носили громкие аристократические имена, что имело для Брута немаловажное значение, так как придавало известную респектабельность его предприятию⁸. Так, среди них были сыновья Катона, Лукулла, Гортензия, погибшие позднее при Филиппах (Vell., II, 71,2; Plut., Brut. 49). Тогда же к Бруту примкнул сын Цицерона, который затем не раз выполнял весьма ответственные поручения⁹. Видимо, Гораций, сын безвестного вольноотпущенника, был среди этих молодых аристократов «белой вороной»; не случайно сам он писал, что относились к нему завистливо и недоброжелательно, так как он быстро выдвинулся и стал военным трибуном (Hog., Sat. I, 6, 46—48).

Кажется странным, что Брут, не имея материальной базы, начал готовиться к созданию армии. Однако можно думать, что он руководствовался определенным планом, согласованным с другими участниками заговора против Цезаря. Так, наши источники сообщают, что Брут якобы случайно встретился с квестором М. Апулеем, который вез в Рим tributum с провинции Азии — 16 тыс. талантов, и убедил его передать ему эти деньги¹⁰. Но следует ли считать эту встречу случайной? Ведь этой провинцией управлял тогда единомышленник Брута Гай Требоний, и лаконичное указание Диона Кассия (XLVII, 21, 3) — Брут «получил... деньги из Азии от Требония» — свидетельствует об их предварительной договоренности.

Вскоре после этого Бруту передал 500 тыс. денариев квестор Сирии Г. Антистий Вет¹¹. Кроме того, в руки Брута попали склады военного снаряжения, приготовленного Цезарем для войны с парфянами (App., B. c. III, 63). Так была решена проблема материального обеспечения будущей республиканской армии.

Сложнее оказалась задача укомплектования ее боеспособными кадрами. Дион Кассий сообщает, что республиканцы очень рассчитывали на бывших солдат Помпея, рассеявшихся по Греции после битвы при Фарсале¹². Кроме того, Бруту удалось перехватить часть солдат двигавшегося на Восток Долабеллы, в том числе два регулярных подразделения конницы¹³. В последующие месяцы Бруту удалось привлечь на свою сто-

⁷ Plut., Brut. 24. Раубичек сомневается в достоверности этого сообщения, ибо ни Цицерон-сын, ни сам Брут не сообщают об этом в своих письмах (Raubitschek A. E. Brutus in Athens. — The Phoenix, XI, 1957, p. 6). Сомнение это неосновательно: молчание было необходимо для сохранения тайны.

⁸ Lindsay J. Marc Antony. His World and his Contemporaries. L., 1936, p. 206. Ср., однако, Rostovtzeff M. Gesellschaft und Wirtschaft im Römischen Kaiserreich. B. I. Lpz., (6. J.), S. 26.

⁹ Plut., Brut. 26; Cic. 45. Цицерон-младший уже имел боевой опыт: в гражданскую войну он командовал алой у Помпея (Cic., De offic. II, 13, 45).

¹⁰ Plut., Brut. 24; App., B. c. III, 63; IV, 75. Именно эти деньги сделали замысел Брута вполне реальным, что со всей определенностью подчеркнул Цицерон (Phil. XIII, 16, 32).

¹¹ Plut., Brut. 25; Cic., Ad Brut. II, 3, 5; Vell., II, 62, 3.

¹² Dio Cass., XLVII, 21, 3. О том, что к Бруту стекались солдаты Помпея, пишет и Плутарх (Plut., Brut. 25). Но едва ли можно верить словам Диона Кассия об их многочисленности.

¹³ Dio Cass., XLVII, 21, 3; Cic., Phil. X, 6, 13; XI, 27; Plut., Brut. 25. По словам Ботерман (op. cit., S. 89), это были два кавалерийских подразделения значительной силы. Не соглашаясь с ней, Бенгтсон (op. cit., S. 34, Anm. 4) утверждает, что «о силе их мы ничего не знаем». Это верно в отношении одного из них, о другом же, находившемся под командованием некоего Цинны, Плутарх пишет, что оно состояло из 500 всадников. Цицерон сообщает, что одно подразделение присоединилось к Бруту в Фессалии, бросив своего начальника квестора, другое же увел от легата Долабеллы молодой Гн. Домиций.

рону римские вооруженные силы Македонии и Иллирии — один македонский легион¹⁴ и три иллирийских¹⁵. Если в Македонии у него особых осложнений не было, то в Иллирии ему пришлось столкнуться с ее наместником Публием Ватинием, старым цезарианцем, а также с Гаем Антонием, который прибыл из Италии для установления контроля над Македонией, но опоздал и попытался утвердиться в Аполлонии¹⁶.

В официальном послании сенату Брут сообщал, что Ватиний открыл ему ворота Диррахия и передал свою армию (Cic., Phil., X, 6, 13). Из античных историков этой версии придерживается Аппиан (В.с. IV, 75), тогда как другие авторы освещают события иначе. По Диону Кассию (XLVII, 21, 6), солдаты покинули Ватиния и перешли к Бруту. Плутарх (Brut. 26) опускает подробности сдачи Диррахия, но зато останавливается на предшествовавших ей переговорах воинов Брута с солдатами Ватиния. Можно думать, что сдача Диррахия была результатом этих переговоров, и вынудили к ней Ватиния его солдаты (сам он враждебно относился к Бруту, но был бессилён помешать капитуляции — Dio Cass., XLVII, 21, 6). Хотя древние авторы объясняют переход этих солдат на сторону Брута тем, что подчиненные ненавидели и презирали Ватиния, а в данном случае воспользовались его болезнью (Vell., II, 169, 3; Dio Cass., XLVII, 21, 6), но нет веских оснований считать неприязнь к Ватинию основной причиной случившегося хотя бы потому, что действия Брута против его последнего противника на Балканах — Гая Антония — разворачивались по той же схеме: Брут привлек на свою сторону его солдат, после чего Антоний был вынужден сдаться или просто был выдан ими¹⁷. И здесь обращают на себя внимание единодушие солдат и скоротечность событий. Так как о внезапном возникновении у воинов симпатий к республиканским идеалам серьезно говорить не приходится, то следует искать более материальную причину. В этой связи Ботерман обращает внимание на одну фразу Брута в письме Цицерону от 1 апреля 43 г.: «*Diabus rebus egemus, Cicero, pecunia et supplemento*» (Cic., Ad Brut. II, 3, 5). Для верной оценки этих слов необходимо учесть, что в это время Брут еще должен был располагать огромными средствами, даже если вычесть прямые затраты на военные нужды в конце 44 — начале 43 г. Тем не менее, ему пришлось констатировать, что в течение трех-четырех месяцев все деньги были истрачены¹⁸. По мнению Ботермана, Брут действовал так же, как Октавиан осенью 44 г. в Италии, слухи о чем должны были достигнуть Балкан: «Задаток в размере 500 денариев способен скорее объяснить, каким образом крупные средства Брута были исчерпаны в столь короткое время»¹⁹. Молчание источников по этому поводу она объясняет убежденностью Брута в необходи-

¹⁴ Cic., Phil. X, 6, 13: «Легион, которым командовал легат Антония Л. Пизон, вверил себя моему сыну Цицерону». По замечанию Ботерман (op. cit., S. 204), этот легион не был подчинен наместнику Македонии Гортензию, поскольку не предназначался для этой провинции. Поэтому им командовал Пизон, — вероятно, легат Марка, а не Гая Антония. Что же касается Гортензия, то он, по мнению Раубичека, добровольно подчинился Бруту и в дальнейшем активно содействовал ему, хотя почему-то предпочитал оставаться в тени (Raubitschek. Op. cit., S. 10).

¹⁵ App., В. с. IV, 75; Illyr. 13.

¹⁶ Плутарх (Brut. 25) ошибается, сообщая, что солдаты Ватиния в Аполлонии предпочли стать на сторону Брута: ведь сам Брут, по словам Цицерона, «пишет, что Антоний с семью когортами находится в Аполлонии» (Cic., Phil. X, 6, 13; ср. Phil. XI, 11, 6).

¹⁷ Plut., Brut. 26; App., В. с. III, 79; Dio Cass., XLVII, 21, 7.

¹⁸ Кроме уже упоминавшихся денежных сумм, переданных Антистием и Апулеем, Брут получил в дар от Аттика в общей сложности 400 тыс. сестерциев, причем 300 тыс. из них были переданы в Эпире, когда нужда в деньгах была особенно острой (Corn. Nep., Att. 8, 5).

¹⁹ Botermann. Op. cit., S. 94. Когда при встрече в Смирне Брут потребовал, чтобы Кассий поделился с ним деньгами, возражавшие против этого друзья Кассия считали, что и эти деньги Брут был намерен употребить на списание расположения солдат (Plut., Brut. 30).

мости традиционных методов политического руководства. С этим можно согласиться, но, во всяком случае, несомненно, что на практике Брут должен был следовать иным правилам, порожденным временем гражданских войн.

Прочность положения Брута во главе созданной им армии вскоре подверглась испытанию: Гай Антоний, который в плену пользовался относительной свободой, попытался возбудить мятеж. Об этом сообщают Плутарх и Дион Кассий²⁰, причем последний приводит интересные подробности. Оба автора согласны в том, что мятеж был подавлен в самом начале — Антоний был тайно увезен от солдат и помещен под надежную охрану²¹. Вслед за тем солдаты, по словам Плутарха, раскаялись и были прощены Брутом. Подробнее и в несколько ином свете описывает этот эпизод Дион Кассий: когда солдаты подняли мятеж, «Брут привел их к соглашению, а из наиболее дерзких небольшое число казнил, а других прогнал из своего войска». Затем в настроении солдат произошла столь разительная перемена, что, как уверяет Дион Кассий, они сами хотели убить тех из уволенных, кто был более виновен в мятеже, так что Бруту пришлось позаботиться об их безопасности²². Эта метаморфоза не может не вызвать удивления. Видимо, стойких цезарианских убеждений у солдат не было, хотя, по словам Аппиана, большинство их служило под началом Цезаря²³, а мятеж наверняка предпринимался под цезарианскими позунгами.

Одновременно с действиями Брута против Ватиния и Гая Антония в Македонии шел набор новых контингентов для его армии, которым распорядился Гортензий²⁴. Два легиона были сформированы из македонян, вооруженных по римскому образцу (App., В.с. III, 79; IV, 75). Тем самым был нарушен основной республиканский принцип набора легионеров только из римских граждан. Правда, это был не первый случай такого рода: в 50-е гг. Цезарь сформировал из галлов знаменитый V легион Жаворонков, примерно тогда же в Испании из неграждан был набран легион для Помпея²⁵. Тем не менее то, что к этому в более широком масштабе был вынужден прибегнуть Брут, изображаемый в источниках поборником староримских традиций, весьма примечательно и отражает не только острую нужду в солдатах, но и возросшую роль провинций в общественно-политической жизни державы.

Наконец, отметим еще один источник комплектования армии Брута — приток добровольцев из Италии, причем, по словам Цицерона, настолько значительный, что этим был недоволен консул Панса, сам производивший в Италии воинский набор (Cic., Ad Brut. II, 4, 4). Несомненно, эти добровольцы были сторонниками Брута и Кассия из итальянских муниципиев, которых лидеры заговора против Цезаря попытались собрать

²⁰ *Plut.*, Brut. 26; *Dio Cass.*, XLVII, 23, 1—4; 24, 1.

²¹ По Диону Кассию, заговор был раскрыт в результате письменного доноса.

²² Это настроение солдат, кажется, подтверждает ответ Цицерона на сообщение Брута о мятеже: «... magis mihi probatur militum severitas quam tua...» (Cic., Ad Brut. I, 2, 3).

²³ App., В.с. IV, 75. История этих легионов неизвестна. Ботерман ссылается на неопубликованную диссертацию В. Шмитхеннера, который предполагает, что XIV легион был образован Цезарем в 53 г., а два остальных, сформированных в 48 г., были переведены в Иллирию Габинием (*Botermann. Op. cit.*, S. 206). Г. Р. Уотсон в рецензии на книгу Ботерман справедливо заметил: «Желание убежденными цезарианцами единого фронта против республиканцев и наказания убийц Цезаря... не кажется широко распространенным в армии, но, по существу, ограничивается ветеранами, в особенности центурионами» (*Watson G. R. Soldier and Politicians at Rome after Caesar.* — CR, 20, 1970, N 1, p. 65).

²⁴ Cic., Phil. X, 6, 13; *Dilectus habitus in Macedonia est summo Q. Hortensi studio et industria.*

²⁵ *Suet.*, Iul. 24; *Caes.*, В.с. II, 20. О «туземных» легионах см. *Yoshimura T. The legio vernacula of Pompey.* — *Journal of Classical Studies* (Kyoto), VIII, 1960, p. 74—80 (нам недоступно); *Harmand J. L'armée et le soldat à Rome de 50 avant notre ère.* P., 1967, p. 235 suiv.; *Webster G. The Roman Imperial Army of the First and Second Centuries* A. D. L., 1969, p. 41, n. 2; *Gabba E. Esercito e società nella tarda Repubblica romana.* Firenze, 1973, p. 476.

еще весной 44 г. до н. э., но были вынуждены отказаться от этого под давлением Антония (Cic., Ad fam. XI, 2, 1).

После завершения формирования армии Брут, кроме *auxilia*²⁶, имел восемь легионов, из них четыре составляли новобранцы (App., B. c. IV, 75). Два из этих четырех — *legiones vernaculae*, набранные в Македонии. Остается неясным происхождение еще двух. По мнению Ботерман, они были образованы из римлян, так как не упоминаются в числе *vernaculae*: в один были сведены поступившие на службу еще в Греции в конце 44 г., второй же, вероятно, состоял именно из добровольцев, которые прибыли из Италии²⁷.

Действия Брута были легализованы после того как о них, основываясь на его письме, доложил сенату консул Панса²⁸. Постановлением сената Бруту были предоставлены исключительно широкие полномочия и свобода действий на будущее²⁹. В мае 43 г. до н. э. он, получив известие об исходе Мутинской войны, вводит войска из Аполлонии и Диррахия на Восток, намереваясь воевать против Долабеллы (Cic., Ad Brut., I, 2, 2). Этот шаг еще вполне логичен. Но затем, вместо того чтобы переправиться в Азию, или, напротив, поспешить в Италию, где дело сената оказалось в смертельной опасности, Брут повел войну против фракийцев (Liv., ep. 422; Dio Cass., XLVII, 25, 1—2). Вероятно, разгадка его странного поведения заключается во все возрастающей зависимости от армии (не случайно Аппиан заметил, что Кассий и Брут старались не дать своим солдатам даже повода для недовольства, — B. c. IV, 124). Летом 43 г. у Брута уже не было денег для содержания своего войска³⁰ и, очевидно, финансовые соображения взяли верх над всеми прочими.

Фракийская кампания дала Бруту немалые средства, он смог даже предпринять строительство флота (Plut., Brut. 28, 30). Укрепился его авторитет в армии. Наконец, подчинение фракийских племен позволяло потребовать от них воинские контингенты. К концу 43 г. до н. э. Брут завершил свои военные приготовления и двинулся в Азию на соединение с Кассием.

Обратимся теперь к рассмотрению действий последнего до объединения с Брутом. Расставшись с ним осенью 44 г. в Пирее (Plut., Brut. 28), Кассий направился в Азию к Требонию и, получив от него через Лентула Спинтера деньги, начал собирать войско: он сумел подчинить себе всадников Долабеллы, которых тот отправил в Сирию, а также произвел набор в провинциях Азии и Киликии³¹. Но главной его целью была Сирия, где концентрировалась основная масса римских вооруженных сил, имевшихся на Востоке³². В Сирии Кассий застал обстановку боевых действий: шесть легионов под командованием Л. Стация Мурка и Кв. Марция Крис-

²⁶ О вспомогательных войсках Брута в источниках очень мало сведений. Мощный корпус *auxilia*, о наличии которого информирует Аппиан (B. c. IV, 75), состоял как из имевшихся при легионах контингентов, так и из вновь набранной легкой пехоты и конницы; ср. Cic., Phil. X, 6, 14: *nostrae sunt legiones, nostra levis armatura, noster equitatus*.

²⁷ Botermann. Op. cit., S. 206.

²⁸ Cic., Phil. X, 11, 25; Ad Brut. II, 2, 5; Ad fam. XII, 5, 1.

²⁹ Cic., Phil. X, 11, 26; App., B. c. III, 63; Vell., II, 62, 2; Dio Cass., XLVII, 40, 3. Цицерон подчеркнул особую важность того факта, что Бруту было предоставлено главнокомандование войсками в нескольких провинциях сразу (Zippel G. Die römische Herrschaft in Illyrien bis auf Augustus. Lpz, 1877, S. 212).

³⁰ Едва ли заем у греческих городов, рекомендованный Цицероном (Ad Brut. II, 4, 4), мог дать существенные результаты.

³¹ Cic., Ad fam. 12, 14, 6; ср. Dio Cass., XLVII, 24, 1: «Кассий, опередив Долабеллу, прибыл в Азию к Требонию и, взяв у него деньги, присоединил многочисленных всадников, которых Долабелла отправил вперед, в Сирию, а также многих других из жителей Азии и Киликии».

³² Dio Cass., XLVII, 24, 2: «Он рассчитывал на дружественный прием, так как пользовался в этой провинции большим авторитетом и имел обширный круг знакомств со времени парфянского похода Красса, у которого был квестором» (ср. *ibid.*, 28, 1).

па осаждали в Апамее мятежного военачальника Кв. Цецилия Басса³³. Кассий, охотно принятый в городах Сирии, сумел быстро подчинить осаждавшие Амапею и осажденные там войска³⁴, а затем повел свои войска в Палестину, чтобы перехватить четыре легиона, которые вел из Египта на соединение с Долабеллой его легат Авл Аллиен. Опеломленный неожиданной встречей Аллиен на стал сопротивляться и передал легионы³⁵ Кассию. Таким образом, уже в марте 43 г. Кассий имел мощную армию. Подобно Бруту, он широко практиковал подкуп солдат — об этом он откровенно пишет Цицерону, сообщая, что был вынужден задержаться для выплаты воинам обещанного вознаграждения³⁶.

Комплектование армии республиканцев в этом регионе было завершено включением в нее войска Долабеллы. Последний, направляясь на Восток, принял в Греции один из македонских легионов³⁷, затем набрал солдат из жителей провинции Азии (Cic., Ad fam. XII, 15, 7). Новое пополнение было предоставлено ему процезариански настроенными Лаодикийцами и Тарсом (Ex quibus utriusque civitatibus Graecorum militum numero speciebus exercitus effecit — Cic., Ad fam. XII, 13, 4). Так как Аппиан сообщает, что Долабелла, осажденный Кассием в Лаодикийе, командовал двумя легионами, то ясно, что второй легион был составлен из провинциалов в результате упомянутых выше наборов³⁸. Этот легион, по сообщению Лентула Спинтера, понес серьезные потери при неудачных попытках штурма Антиохии и от дезертирства почти всех уроженцев провинции Азии во время поспешного отступления Долабеллы в Лаодикийю (Cic., Ad fam. XII, 15, 7).

³³ О мятеже Басса см. Cic., Pro reg. Deiot. 25.; Ad fam. XII, 18, 1; 19, 1; XI, 1, 4; Liv., ep. 114; Ios., Antt. Iud. XIV, 268; Bell. Iud. I, 216; App., B. c. III, 77; IV, 58; Dio Cass., XLVII, 26—27. Аппиан передает две версии этого мятежа. Согласно одной из них, отвергающейся большинством исследователей, Цецилий Басс командовал легионом, подчиненным Сексту Юлию Цезарю, родственнику диктатора. Солдаты, возмущенные издательствами Секста Цезаря, убили его, а Басса заставили примкнуть к мятежу (см. Münzer. Q. Caecilius Bassus. — RE, Bd. III, 1899, Sp. 1198; Rice Holmes T. The Architect of the Roman Empire. Sp. I. Oxf., 1928, p. 76; Botermann. Op. cit., S. 100. Достоверной считается другая версия, согласно которой помпеянец Басс установил связи с XXVIII легионом, состоявшим из бывших солдат Помпея, и инспирировал в нем мятеж, во время которого был убит Секст Цезарь. Скептицизм в этом вопросе (см. Шифман И. Ш. Сирийское общество эпохи принцепата (I—III вв. до н. э., М., 1977, с. 50 сл., прим. 12) представляется необоснованным — в пользу «помпеянской» версии высказываются также авторитетные источники, как Тит Ливий (Bellum in Syria Caecilius Bassus eques Romanus Pompeianarum partium excitavit) и Дион Кассий (Καίλιος Βάσσης ἰππεύς συστρατεύσας τὴ τῷ Πομπηϊῶ...)). Оказавшись во главе мятежа, Басс набрал еще один легион, а затем был осажден в Апамее полководцами Цезаря.

³⁴ Liv., ep. 124; Vell., II, 69, 2; Ios., Antt. Iud. XIV, 274; Bell. Iud. I, 218; Dio Cass., XLVII, 28, 1. Ботерман (op. cit., S. 100, 103) обращает внимание на то, что пять легионов осадного корпуса состояли из новобранцев 45—44 гг., а шестой — из бывших солдат Помпея. Видимо, она права, полагая, что солдаты этих легионов ничего не имели против Кассия и поэтому повиновались Мурку и Криспу, которые признали его главнокомандующим. Сложнее обстояло дело с осажденными: Басс отказался передать свой войска Кассию и последнему пришлось вступить в прямые переговоры с солдатами (Cic., Ad fam. XII, 12, 3). Вероятно, Басс имел собственные честолюбивые замыслы: ведь в 45 г. он сумел получить помощь от парфян (Cic., Ad Att. XIV, 9, 3), арабов (Dio Cass., XLVII, 27, 3), вел переговоры с Дейотаром (Cic., Pro reg. Deiot. 23).

³⁵ App., B. c. III, 78; IV, 59; Dio Cass., XLVII, 28, 3. Ср. письмо самого Кассия Цицерону: «Знай, что четыре легиона, которые А. Аллиен вывел из Египта, переданы им мне» (Cic., Ad fam. XII, 11, 1). Это письмо от 7 марта 43 г. было написано сразу же после операции, как сообщил Кассий уже в другом послании: «Как только я принял легионы, которые А. Аллиен вывел из Египта, то написал тебе и послал в Рим многочисленных гонцов» (ibid., XII, 12, 1).

³⁶ Свою казну Кассий пополнил поборами с городов провинций, эти же города должны были поставить ему оружие и солдат (Ios., Antt. Iud. XIV, 274; ср. Bell. Iud. I, 219).

³⁷ Cic., Phil. XI, 2, 4; 7, 16; App., B. c. III, 25.

³⁸ Цицерон сообщает, что Долабелла включал в свое войско беглых рабов («habet legionem, habet fugitivos, habet sceleratam imperiorum manum» — Cic., Phil. XI, 7, 16).

Упорную оборону Лаодикеи Дион Кассий (XLVII, 30, 2) объясняет настроением жителей, которые страшились расплаты за поддержку цезарианцев. Кроме того, сам Кассий не стал прибегать к штурму, рассчитывая взять город измором (Cic., Ad fam. XII, 13, 4). Наконец, Лаодикея пала в результате измены подкупленных Кассием центурионов дневной стражи. Долабелла погиб, его войско присягнуло Кассию, население города было ограблено и терроризировано (App., B. c. IV, 62).

Обычно принято считать, что армия Кассия составила 12 легионов³⁹. Но это едва ли верно. При Филиппах в объединенной армии республиканцев было 19 легионов (App., B. c. IV, 88, 108), из них восемь легионов Брута. Часть сил была отвлечена для иных целей, и если уточнить, то окажется, что все эти контингенты были взяты из армии Кассия. Так, после уничтожения Долабеллы один легион был оставлен Кассием в Сирии, причем неизвестно, присоединился ли он позднее к основным силам⁴⁰. По одному легиону имели Мурк и Агенобарб, направленные Кассием же для ведения войны на море (App., B. c. IV, 74, 86, 99). Несложные подсчеты показывают, что всего под командованием Кассия должно было состоять не 12, а 14 легионов⁴¹. Это число мы получим, если учтем те два легиона Цецилия Басса и Долабеллы, которые состояли из неримлян и, скорее всего, были отданы под начало Мурка и Агенобарба.

В декабре 43 г. Брут и Кассий встретились в Смирне для выработки плана ведения войны против триумвиров⁴². После долгих споров было решено отправиться в карательную экспедицию против Родоса и городов Ликии, не признавших власти республиканцев. Г. Бенгтсон с полным основанием полагает, что это решение было крупной стратегической ошибкой: серьезной угрозы республиканскому тылу Родос и Ликия не представляли, а в случае победы республиканцев все равно попали бы им в руки. Предприняв экспедицию против этих городов, Брут и Кассий потеряли не менее полугода и дали триумвирам возможность перехватить стратегическую инициативу. Цель предпринятого республиканцами, несмотря на явную военную нецелесообразность, похода Бенгтсон определяет так: «Это был, в сущности, разбойничий набег, который должен был наполнить опустевшую казну убийц Цезаря»⁴³. Справедливость этого мнения очевидна, если учесть, что, согласно утвердившейся в науке точке зрения, солдат удерживала у Брута и Кассия прежде всего высокая плата⁴⁴. Таким образом, сопровождавшееся кровавыми расправами покорение Родоса и Ликии было предпринято исключительно в материальных инте-

³⁹ *Botermann*. Op. cit., S. 210; *Bengtson*. Op. cit., S. 35. Ф. Райт высказался более осторожно, отметив, что 12 легионов Кассий имел весной 43 г. (*Wright F. Marcus Agrippa. Organizer of Victory*. L., 1937, p. 33). Это соответствует действительности.

⁴⁰ Во время кампании при Филиппах на римском Востоке оставались значительные вооруженные силы республиканцев, в том числе легионеры (*App.*, B. c., IV, 89, 99; V, 2).

⁴¹ Таким образом, во всей республиканской армии было 22 легиона. Это число подтверждается данными Аппиана, согласно которым республиканцы имели более 20 легионов (*App.*, B. c. IV, 1, 133). Ср. *Domaszewski A.* Die Heere der Bürgerkriege in den Jahren 49 bis 42 v. Chr. — *Neue Heidelberger Jahrbücher*, IV, 1894, S. 185.

⁴² *Liv.*, ep. 122; *Plut.*, Brut. 28; *App.*, B. c. IV, 65; *Dio Cass.*, XLVII, 32, 1.

⁴³ *Bengtson*. Op. cit., S. 36. Стратегический просчет Брута и Кассия — предложение цезарианцам возможности высадиться на Балканах — был отмечен уже Зееком (*Seeck O. Kaiser Augustus*. Bielefeld — Leipzig, 1902, S. 61). Аллен считал, что республиканцам следовало положиться на свой флот, который был гораздо сильнее флота триумвиров и мог взаимодействовать с морскими силами Секста Помпея. По мнению Аллена, Брут и Кассий не сделали этого, потому что «борьба на море всегда была чуждой римским концепциям ведения войны», а корабли рассматривались лишь как вспомогательная сила (*Allen B. M. Augustus Caesar*. L., 1937, p. 69; ср. *Thiel J. H.* Studies on the History of Roman Sea Power in Republican Times. Amsterdam, 1946, p. 11). Но флот Брута и Кассия долгое время тоже был занят карательными экспедициями в Эгейском море.

⁴⁴ Всемирная история. Т. II. М., 1956, с. 390; *Rice Holmes*. Op. cit., p. 82; *Syme*. Op. cit., p. 204; *Charlesworth M. P.* The Avenging of Caesar. — САН, X, 1934, p. 23; *Gelzer*. Op. cit., Sp. 1017.

ресах армии. Непосредственная цель этих экспедиций была достигнута: Брут и Кассий награбили огромные средства, позволившие им в течение долгого времени не испытывать финансовых затруднений⁴⁵.

Характеризуя солдат республиканской армии, Шиллер отмечал: «Идеальные моменты действовали у них так же мало, как и у их противников, но Брут и Кассий предоставили им так много денег и добычи, что могли достойно выдержать конкуренцию»⁴⁶. В общем, признавая справедливость этой точки зрения, надо все же отметить, что республиканцы учитывали влияние политической пропаганды на моральный дух армии. Прежде всего они подчеркивали, что сражаются не ради личной выгоды, а за свободу и демократию⁴⁷. Олицетворение свободы изображается на многих монетах республиканцев⁴⁸. Видное место в их монетной чеканке занимает также прославление военных успехов на суше и на море⁴⁹, конечно, тоже рассчитанное на армию. Вместе с тем обращает на себя внимание, насколько в пропаганде республиканцев силен личностный элемент. В первую очередь это касается Брута, помещавшего на монетах свой портрет⁵⁰. Интересно отметить, что в качестве средства политической пропаганды в эти годы использовались также портретные геммы. В частности, известны инталии с портретами как Брута⁵¹, так и Кассия⁵², что дает некоторым историкам повод сомневаться в стойкости их республиканских убеждений⁵³. Однако подобная точка зрения противоречит античной традиции, согласно которой лидеры заговора против Цезаря были «последними из римлян», воплощением республиканизма. Выход из этого очевидного противоречия усматривается в следующем.

По наблюдению О. Я. Неверова, «в культурной жизни Рима с его традициями патроната и клиентелы, где почти все стороны жизни базировались на личных отношениях между массой клиентов и их патроном, между солдатами и их вождем, искусство портрета играло особую роль... Особая эмоциональная сила убеждения, присущая портрету, сознательно использовалась в пропаганде борющихся партий республиканского Рима»⁵⁴. В данном случае это означает, что республиканская пропаганда должна была использовать понятный солдатам язык. То, что он был при-

⁴⁵ *Plut.*, Brut. 39; *App.*, В. с. IV, 99. Всего за время господства на римском Востоке республиканцы получили — без учета прямых затрат на содержание армии и флота — не менее 50 тыс. талантов (*Ильинская Л. С.* Роль восточных провинций Рима в период гражданских войн конца республики. — В кн.: Древний Восток и античный мир. М., 1972, с. 219).

⁴⁶ *Schiller H.* Geschichte der römischen Kaiserzeit. В. I. Т. 1. Gotha, 1883, S. 66.

⁴⁷ *App.*, В. с. IV, 90—98; *Dio Cass.*, XLVII, 42, 3.

⁴⁸ *Cohen H.* Description historique des monnaies frappées sous l'Empire Romain communément appelees medailles imperiales. I. Graz, 1955, p. 25 suiv., № 5, 9; p. 27 suiv., № 1—6, 8—10. Примечательно, что в чеканке монеты республиканцы широко применяли золото. Мэтингли отметил, что почти половину известных монет Брута и Кассия составляют ауреусы (*Mattingly H.* EID MAR. — L'Antiquité Classique, XVII, 1948, p. 448 suiv., ср. *Bährfeldt M.* Die römische Goldmünzenprägung während der Republik und unter Augustus. Halle, Saale, 1923, S. 64—69).

⁴⁹ *Cohen.* Op. cit., p. 24 suiv., № 3, 4, 7—9, 12, 14; p. 28 suiv., № 8—10.

⁵⁰ *Ibid.*, p. 26, № 14, p. 27, № 15, 16.

⁵¹ *Неверов О. Я.* Портретные геммы республиканского Рима в собрании Эрмитажа. — В кн.: История и культура античного мира. М., 1977, табл. 3, № 25. Наличие стеклянных отливок геммы с портретом Брута (*Vollenweider M. L.* Les portraits Romains sur les intailles et camées. VIII. Geneva, 1960, tabl. IV; *Walters H.* Catalogue of the Engraved Gems and Cameos in the British Museum. L., 1926, № 3253 дает основание считать, что некогда они изготовлялись в большом количестве для раздачи солдатам (*Неверов.* Ук. соч., с. 146; *он же.* Римские портретные геммы времени гражданской войны I в. до н. э. в собрании Эрмитажа. — СГЭ, XXXII, II., 1971 с. 60; *Vollenweider M. L.* Verwendung und Bedeutung der Porträtgemmen für das politische Leben der römischen Republik. — Museum Helveticum, 12, 1955, S. 96).

⁵² *Alföldi A.* Porträtkunst und Politik in 43 v. Chr. — Nederlands kunsthistorisch Jaarboek, 1954, № 5, S. 163, Taf. II, № 6.

⁵³ *Ковалев С. И.* История Рима. Л., 1948, с. 474; *Mattingly.* Op. cit., p. 451; *Alföldi.* Op. cit., S. 163.

⁵⁴ *Неверов.* Римские портретные геммы . . . , с. 60.

мерно одинаковым у республиканцев и цезарианцев⁵⁵, лишь отражает объективное содержание того периода римской истории и значение армии в политической борьбе.

Наибольшей остроты политическая пропаганда республиканцев достигла непосредственно перед битвой при Филиппах. Не случайно именно тогда была отчеканена знаменитая монета с портретом Брута, на реверсе которой изображена шапка вольноотпущенника между двумя кинжалами, изображение поясняется легендой EID MAR⁵⁶. Эта монета была настолько прокламативной, что о ней счел нужным упомянуть Дион Кассий: «Брут... изображал на монетах, которые чеканил, свой портрет и шапку вольноотпущенника с двумя кинжалами, поясняя этим, а также надписью, что он вместе с Кассием желал освободить отечество»⁵⁷.

При Филиппах боевые качества армии триумвиров, состоявшей в основном из ветеранов, были выше⁵⁸, поэтому командование республиканцев вознамерилось оттянуть генеральное сражение, чтобы измотать противника, отрезанного от Италии и не имевшего достаточных запасов продовольствия. Хотя для республиканцев такой план ведения войны был наиболее целесообразным⁵⁹, они все же вскоре приняли решение дать генеральное сражение. По Плутарху, главной причиной того, что на военном совете большинство высказалось за немедленное сражение, были участвовавшие случаи перехода воинов на сторону неприятеля и доносы с обвинениями в подобных замыслах многих других (Plut., Brut. 39). О брожении в республиканском лагере пишет и Дион Кассий (XLVII, 38, 4—5): «В войсках... были раздражены промедлением..., рвались в бой и говорили между собой, что если будут еще тянуть, то они покинут лагерь и разбегутся...». Причина подобного настроения, очевидно, в том, что, как отмечалось, армию связывала с убийцами Цезаря прежде всего материальная заинтересованность. Когда крупной добычи уже не предвиделось, воины, которых не устраивала перспектива затяжной войны и которые хотели найти скорейшее применение накопленным средствам, были заинтересованы в скорейшей развязке, ибо для каждого из них

⁵⁵ Alföldi. Op. cit., S. 162; *Неверов*. Портретные геммы..., с. 148; ср. *Машкин Н. А.* Принципат Августа. М.—П., 1949, с. 209: «В борьбе с цезарианскими вождями они прибегали нередко к тем же методам, что и их противники, но у нас нет никаких данных, которые давали бы нам право заключить об авторитарных тенденциях Брута».

⁵⁶ *Cohen*. Op. cit., p. 27, № 45. По мнению Мэтингли (op. cit., p. 450 f.), она выпускалась во Фракии для раздачи войскам. Если это так, то ее выпуск целесообразно связать с выдачей войскам крупных денежных сумм после переправы республиканской армии в Европу (App., B. c. IV, 89, 100). Хилл полагает, что денарий этого типа чеканился в Афинах во время пребывания там Брута, но это, конечно, слишком ранняя датировка (Hill P. V. Propaganda on Coins of the Civil Wars, 44—30 B. c.— The Numismatic Circular, 70, 1962, № 3, p. 52). Считалось, что сохранились лишь серебряные денарии этого редкого типа (*Cohen*. Op. cit., p. 27). Однако Бенгтсон сообщает, что сравнительно недавно стал известен подлинный ауреус. По его мнению, таких золотых монет было отчеканено ограниченное количество и предназначались они для высшего командного состава, тогда как остальным раздавалось серебро (op. cit., p. 48 f.).

⁵⁷ *Dio Cass.*, XLVII, 25, 3: «Суть дела излагалась максимально четко: тиран был заколот, чтобы мог жить свободный Рим». (см. *Mattingly*. Op. cit., p. 451; ср. *Смурин В. М.* К вопросу об освещении в античной историографии событий, предшествовавших заговору против Цезаря.— ВДИ, 1957, № 1, с. 126).

⁵⁸ Сведения о силах сторон: App., B. c. IV, 88, 108, 133; Plut., Brut. 38; *Dio Cass.*, XLVII, 37, 6. Дион Кассий (XLVII, 38, 4) уверяет, что большинство в войсках Брута и Кассия составляли провинциалы: ...τα στρατευματα, ατε εκ του ιπρκου το πλειστον βυτα... Точный подсчет едва ли был возможен: к республиканцам подкрепления союзников подходили ежедневно (*Dio Cass.*, XLVII, 38, 2). Цезарианцы располагали огромными резервами на Западе, тогда как республиканцы бросили в бой все, что могли; см. *Parker H. M. D. The Roman Legions*. N. Y., 1958, p. 70. О качествах республиканской армии см. *Harmand J.* Les origines de l'armée imperiale. Un témoignage sur la réalité du pseudo-principat et sur l'évolution militaire de l'Occident.— Aufstieg und Niedergang der römischen Welt hrsg. v. H. Temporini. II, 1. B.— N. Y., 1974, S. 280.

⁵⁹ *Fröhlich C.* Cassius Longinus.— RE, Hbd. VI 1899, Sp. 1733; *Paribeni R.* L'età di Cesare e di Augusto. Bologna, 1950, p. 277.

поражение еще не означало катастрофы. Особенно это касается провинциалов, на которых пропаганда Брута и Кассия вообще не была рассчитана, ибо, по замечанию М. Леви, «для Брута и Кассия, представлявших консервативную аристократию и помпеянское течение, провинции в структуре Римского государства не могли иметь иного положения, кроме как источников налоговых поступлений»⁶⁰.

Примечательно, что в первом сражении при Филиппах солдаты республиканцев начали бой самостоятельно, не дожидаясь приказа — это особенно выделяет Аппиан (В. с. IV, 110). Успех правого фланга, где был Брут, легко объяснить: на этом крыле находились отборные части, а противостояли им дезорганизованные отсутствием руководства войска Октавиана, в которых было много молодых солдат. Гораздо более важными, по замечанию И. Шмидт⁶¹, оказались в конечном счете разгром Кассия и его самоубийство, лишившее республиканскую армию единственного опытного и авторитетного военачальника. В освещении обстоятельств гибели Кассия источники расходятся. По версии, которой придерживается подавляющее большинство древних авторов, после своего поражения Кассий послал в разведку одного из спутников⁶²; тот встретился с отрядом кавалеристов Брута и возвращался вместе с ними. Кассий издали принял этот отряд за вражеский и, чтобы не попасть в плен, покончил с собой при помощи вольноотпущенника Пиндара⁶³. Аппиан, однако, приводит и другой вариант: Кассий узнал об успехе Брута и все же решил умереть (App., В. с. IV, 113). Интересную мысль по этому поводу высказал Р. Ю. Виппер: «Загадочная смерть самого Кассия в момент, когда его уже достигала весть о победе коллеги на другом крыле, объясняется, быть может, отчаянием командира ввиду полного неповиновения и дезорганизации войска»⁶⁴. Степень всеобщей дезорганизации выразительно иллюстрируется таким фактом: когда солдаты Брута и Антония добились успеха, то вместо продолжения боя они разграбили неприятельские лагеря и возвращались, уже не обращая внимания на противника, настолько нагруженные добычей, что «напоминали скорее носильщиков, чем воинов» (App., В. с. IV, 112).

После первого сражения при Филиппах Брут стал единственным командующим республиканской армией. Чтобы избежать возможных беспорядков в войсках, он даже не стал хоронить Кассия на месте, а распорядился тайно отправить его тело для похорон на Фасос⁶⁵. Уцелевшие солдаты Кассия перешли под начало Брута; руководство ими оказалось очень сложной задачей, так как дисциплина резко упала со смертью их полководца⁶⁶. Брут счел необходимым выступить перед армией с речью (по Плутарху — лишь перед воинами Кассия, но это маловероятно).

⁶⁰ Levi M. A. L'impero romano. Torino, 1971, p. 70. Небезынтересно отметить, что, провинциалы, сражавшиеся на стороне триумвиров, получали права римского гражданства и все связанные с ними привилегии: *κατὰ νόμον Μουνατίου καὶ Αἰμίλιου*, как свидетельствует Розосская надпись (Roussel P. Un syrien au service de Rome et d'Octave. — Syria, XV, 1934, p. 34, II, 10; см. также Visscher F. de. Lei statut juridique des nouveaux citoyens romains et l'inscription de Rhosos. — L'Antiquité Classique, XIII, 1944, p. 23). Lex Munatia Aemilia консулов 42 г. до н. э. уже применялся триумвирами во время войны (Машкин Н. А. Из истории римского гражданства. — Известия АН СССР, серия истории и философии, т. II, 1945, № 5, с. 362).

⁶¹ Schmidt J. Philippoi. — RE, Hbd. 38, 1938, Sp. 2233.

⁶² Это был некий Титиний, центурион из добровольцев-ветеранов (evocatus).

⁶³ Plut., Brut. 43; App., В. с. IV, 113; Dio Cass., XLVII, 46, 4—5; Vell., II, 70, 2—3; Val. Max., IX, 9, 2; Liv., ep. 124.

⁶⁴ Bunnep P. Ю. Очерки истории Римской империи. Берлин, 1923, с. 327; ср. Charlesworth. Op. cit., p. 24.

⁶⁵ Plut., Brut. 44; App., В. с. IV, 114; Dio Cass., XLVII, 47, 1.

⁶⁶ Plut., Brut. 45, 46. Если учесть, что воины Кассия считались гораздо боеспособнее солдат Брута (Frontin., Strat. IV, 2, 1), то становится очевидной правота Ноймана, по мнению которого дисциплина в римской армии периода гражданских войн зависела в основном от личности полководца (Neumann A. Disciplina militaris. — RE, Splbd. X, 1965, Sp. 158).

В этой речи он ободрил воинов, пообещал богато вознаградить их в случае полной победы и, кроме того, отдать им на разграбление Спарту и Фессалонику⁶⁷. Затем он распределил среди воинов деньги⁶⁸.

Первая битва при Филиппах убедила Брута в необходимости держаться прежнего стратегического плана — не принимать боя и выжидать истощения армии противника⁶⁹. Стремясь во что бы то ни стало вынудить его дать битву, цезарианцы пустили в ход все средства. Их солдаты подходили к укреплениям республиканцев, осыпали их оскорблениями и насмешками, стараясь спровоцировать на бой (App., В. с. IV, 122). В лагере Брута распространялись листки (*τὰ βιβλία*), в которых его солдат призывали переходить на сторону триумвиров или же решиться на битву⁷⁰. Пропаганда цезарианцев усилила брожение в республиканском лагере, на многих поступали доносы к Бруту, дезертирство и переход к противнику стали обычным явлением⁷¹. Противопоставить действиям цезарианцев эффективную контрпропаганду Брут был уже не в состоянии: все его аргументы, в том числе раздачи денег, были, видимо, уже исчерпаны. И тогда он распорядился казнить захваченных в первой битве пленных⁷². Такой шаг представляет собой почти уникальное для гражданских войн второй половины I в. до н. э. явление. Для сравнения можно указать, что именно в дни кампании при Филиппах взятых в плен после разгрома на море солдат Октавиана заставили принести присягу и приняли на службу к Мурку (App., В. с., IV, 116). Чтобы объяснить причину массовой казни пленных цезарианцев по приказу Брута, следует учесть, что при Филиппах накал противоречий между республиканцами и цезарианцами достиг максимума, поэтому Брут даже в рядовых солдатах триумвиров видел политических врагов и страшился их влияния на свое войско. Расправа с пленными, несомненно, должна была подчеркнуть беспощадный характер войны и связать республиканское войско со своим вождем кровавой порукой.

В объяснении решения Брута дать новое сражение, в котором он был наголову разгромлен, наши источники единодушны: армия буквально

⁶⁷ *Plut.*, Brut. 46; *App.*, В. с. IV, 118. Спарта стояла за цезарианцев и прислала Октавиану две тысячи воинов (*Plut.*, Brut. 41). Фессалоника была крупным и богатым городом.

⁶⁸ Дион Кассий сумму не указывает, отмечая лишь, что Брут возместил воинам Кассия утраченное ими в результате потери лагеря (*Dio Cass.*, XLVII, 47, 2). Аппиан (В. с. IV, 118) сообщает, что награду получило все войско: каждый солдат по тысяче денариев, командиры же — пропорционально их рангу. Плутарх говорит о двух тысячах денариев каждому солдату Кассия, но затем упоминает о выдаче вообще войску обещанных денег (*Plut.*, Brut. 44, 46). Думается, что в этих сообщениях противоречия нет: награду получило все войско, но воины Брута — по тысяче денариев, а солдаты Кассия, лишившиеся своего имущества, по две тысячи.

⁶⁹ *App.*, В. с. IV, 118, 122; *Dio Cass.*, XLVII, 47, 3. По словам Диона Кассия нужда в деньгах и продовольствии становилась у цезарианцев все острее. Аппиан сообщает и детали: триумвиры могли рассчитывать лишь на Фессалию, но поставок от туда хватало ненадолго, так что они были вынуждены направить в Ахайю для сбора продовольствия целый легион. Все это не решало проблему снабжения, и положение ухудшалось, тем более что флоту Мурка и Агенобарба удалось перехватить и уничтожить эскадру, которая переправляла Октавиану сильное подкрепление: два легиона (в том числе Марсов), преторскую когорту, кавалерию и т. п. (*App.*, В. с. IV, 115—116; *Plut.*, Brut. 47; *Dio Cass.*, XLVII, 47, 4—5).

⁷⁰ *Dio Cass.*, XLVII, 48, 1. Следовательно, в республиканскую армию проникли агенты триумвиров, скорее всего Октавиана, который уже имел опыт применения такого рода средства.

⁷¹ *Plut.*, Brut. 45, 49; *Dio Cass.*, XLVII, 48, 2.

⁷² *Dio Cass.*, XLVII, 48, 3. Сообщение Плутарха, что Брут распорядился казнить из числа военнопленных «только» рабов (*Plut.*, Brut. 45), принимаемое иногда на веру (*Perowne S. Death of the Roman Republic. From 146 B. c. to the Birth of the Roman Empire. N. Y., 1968, p. 249*), справедливо критикует Бенгтсон (op. cit., S. 39). Оправдать приказание Брута старается и Дион Кассий, по словам которого Брут принял столь жесткое решение, «повинуясь необходимости и против воли».

заставила вести ее в бой, а отказаться выполнить это требование солдат и офицеров он не решился, боясь, что в таком случае воины ему изменят ⁷³.

В результате кампании при Филиппах дело республиканцев было проиграно окончательно. Судьба остатков республиканской армии была различной. Сам Брут имел после битвы еще четыре легиона неполного состава. Покончил с собой он после того как эти воины отказались ему подчиняться и сообщили о своем намерении капитулировать (App., В. с. IV, 131). Узнав о его смерти, они направили парламентариев к Антонию и Октавиану, получили гарантию безопасности, сдались и были зачислены в армию победителей ⁷⁴. Старшие офицеры покончили с собой или были взяты в плен и казнены ⁷⁵. Веллей Патеркул выразительно подчеркнул, что ни одна из битв гражданских войн не была столь смертоносной для римской аристократии (*Non aliud bellum cruentius caede clarissimorum virorum fuit*). Из уцелевших некоторые бежали к Мурку и Агенобарбу, а остальные сдались на Фасосе Антонию, передали ему деньги, продовольствие и были помилованы ⁷⁶.

Рассмотренный материал позволяет сделать некоторые выводы в отношении последней республиканской армии.

Средства на ее содержание были добыты путем беспощадного ограбления провинций Востока. Костяк армии составили легионы римских граждан, в большинстве своем бывших солдат Цезаря и Помпея. Новых легионов было сформировано сравнительно немного из-за нехватки живой силы, часть их республиканцам пришлось составить даже из провинциалов. Многочисленный корпус вспомогательных войск состоял из провинциалов, а также контингентов, выставленных союзными племенами и зависимыми от Рима государствами. Среди этих солдат было немало наемников (App., В. с. IV, 123), в чем, вероятно, надо видеть дань эллинистической практике.

Интересно, что в армию зачислялись даже рабы — при Филиппах они участвовали в бою с обеих сторон (Plut., Brut. 45; App., В. с. IV, 112). Это были, очевидно, гладиаторы, подобное применение которых в период гражданских войн было обычным ⁷⁷.

О какой-либо политической программе республиканской армии судить затруднительно. Лишь для аристократов, составлявших высший командный состав, ясна была цель борьбы — восстановление своего господства в государстве. Но эта цель была безразлична солдатской массе, поэтому лидеры республиканцев попытались представить войну против цезарианцев как борьбу за восстановление свободы и народовластия в Риме. Подобная пропаганда, разительно расходящаяся с реальными действиями убийц Цезаря, могла иметь некоторый успех лишь до наступления критической ситуации. Неудивительно поэтому, что Брут и Кассий обеспечивали верность воинов прежде всего денежными раздачами и сообразовывали свою политику с требованиями армии. В результате зависимость вождей от своих солдат со временем все более возрастала. В конечном счете собственная армия вынудила Брута и Кассия предпринять действия, которые ускорили полный разгром республиканцев.

⁷³ App. В. с. IV, 124, 134; *Dio Cass.*, XLVII, 48, 2. Подавляющее большинство исследователей признает эту причину основной: *Lindsay*. Op. cit., p. 217; *Allen*. Op. cit., p. 72; *Syme*. Op. cit., p. 205; *Mattingly*. Op. cit., p. 447; *Mellersh H. E. L. Soldiers of Rome*. L., 1964, p. 123; *Perowne*. Op. cit., p. 249.

⁷⁴ App., В. с. IV, 135; *Dio Cass.*, XLVII, 49, 3. Вероятно, при жизни Брута они считали себя связанными присягой.

⁷⁵ App., В. с. IV, 135; *Vell.*, II, 71, 2—3; *Suet.*, Aug. 13; *Dio Cass.*, XLVII, 49, 4. Казнено было около 40 человек, в том числе Квинг Гортензий (*Liv.*, ep. 124; *Plut.*, Brut. 28).

⁷⁶ App., В. с. IV, 136; *Vell.*, II, 71, 1; *Dio Cass.*, XLVII, 49, 4.

⁷⁷ *Tac.*, Hist. II, 11, 5: . . . deforme insuper auxilia . . . , sed per civilia arma etiam severis ducibus usurpatum.

THE LAST ARMY OF THE ROMAN REPUBLIC

V. N. Parfenov

The army recruited by the murderers of Caesar lived off the eastern provinces. Its main components were the legions manned by Roman citizens, in most cases former soldiers of Caesar and Pompey. The exigencies of war compelled the Republican leaders to fill out these forces with recruits from the provinces, to such an extent that, contrary to traditional recruiting principles, even some whole legions were made up of provincials. When they had got their army ready Brutus and Cassius found they had to submit to its every demand. They tried to secure the men's loyalty by distributions of money, also by intensive propaganda of Republican ideals. But on the battlefield of Philippi their own troops forced them to undertake actions which hastened the complete rout of the army. The destruction at Philippi of the last army of the Republic crushed every hope cherished by the Roman oligarchy of restoring their control of the Roman state.
